

В июне 1908 г. Ясную Поляну посетил корреспондент «The New York Times» Герман Бернштейн. В Америке он жил как эмигрант с 1893 г. (родился в 1876 г. в местечке Нойштадт-Шервинд на тогдашней русско-немецкой границе, потом переехал с родителями в Могилев). Писатель, переводчик и журналист, Бернштейн выпустил в США сборники своих рассказов, стихов и прислал их в Ясную Поляну; переводил сочинения Толстого, Чехова, Горького, Леонида Андреева. В дневнике 26 июня 1908 г. Толстой отметил: «Был американец корреспондент. Хорошо говорил с ним». Спустя две недели Бернштейн отправился в Финляндию — к Леониду Андрееву.

Воспоминания о Леониде Андрееве переводятся на русский язык впервые — по изданию: Herman Bernstein. «With master minds». New York, 1913.

Герман Бернштейн

ДВЕ НЕДЕЛИ спустя после моего визита к графу Льву Толстому в Ясную Поляну я выехал из Санкт-Петербурга в Вальмелсу (Финляндия), чтобы навестить Леонида Андреева, самого современного из современных европейских писателей, автора рассказа о великой войне (речь идет о Русско-японской войне 1904—1905 гг. — В.А.) «Красный смех» и замечательной нравственной пьесы «Жизнь человека». Самый популярный писатель в сегодняшней России, его популярность затмевает только слава Максима Горького. Андреев также, после Толстого, самый талантливый из всех русских писателей. Если его произведения, оригинальные во всех отношениях, сравнивать с произведениями другого русского, то они ближе всего были бы к сочинениям Достоевского. Его острая психологическая проницательность, проявившаяся в самых последних работах, можно сравнить с лучшим сочинением автора «Преступления и наказания».

Первые шаги Андреева в литературе, его первые рассказы, привлекали мало внимания в момент их появления. Только тогда, когда графиня Толстая, жена Льва Толстого, в своем письме в газету «Новое время» выступила в защиту художественной чистоты и нравственной силы в современной беллетристике», заявляя, что русское общество вместо того, чтобы раскупать, читать и прославлять сочинения Андреева, должно «восстать с негодованием против той грязи», почти каждый, кто мог читать в России, обратился к маленькому томику молодого писателя. <...>

Андреева часто обвиняли в том, что он защитник пессимизма, и в том, что влияние, которое он оказывает на русскую молодежь, пессимистично. Тем не менее не так давно Андреев, говоря о своем пессимизме, заявил: «Никогда не верю я так в жизнь, как при чтении «отца» пессимизма Шопенгауэра: человек думал так — и жил. Значит, могуча и непобедима жизнь».

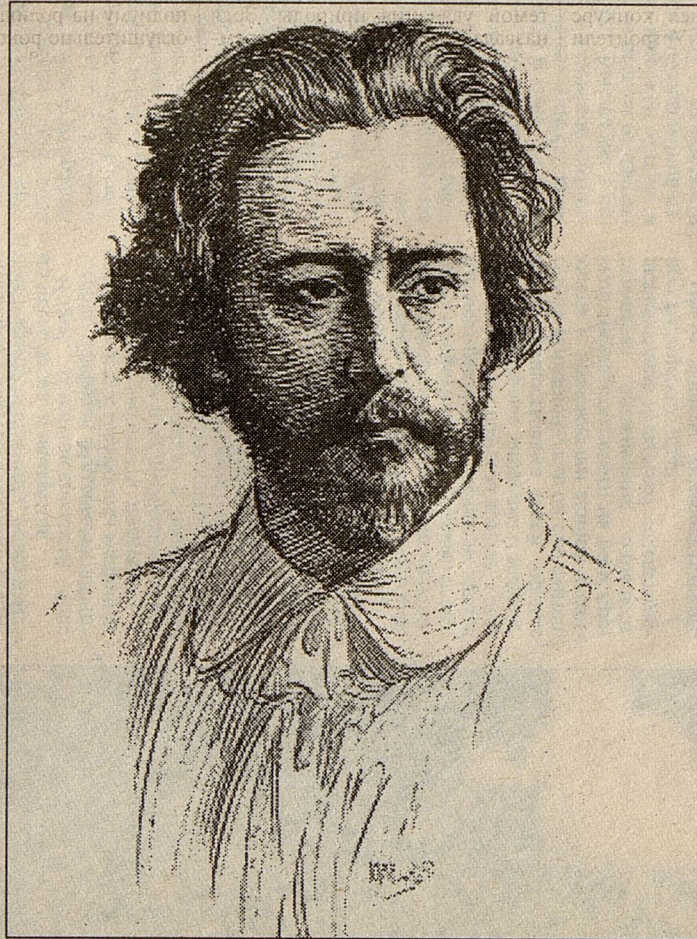
«Победит не истина, — сказал он в другом месте, — не ложь; победит то, что находится в союзе с самой жизнью; то, что укрепляет ее корни и — оправдывает ее. Остается только то, что полезно для жизни; все вредное для нее рано или поздно гибнет; гибнет фатально, неотвратимо. Пусть сегодня оно стоит несокрушимой стеной, о которую в бесплодной борьбе разбиваются лбы благороднейших людей — завтра оно падет, ибо оно вздумало задержать саму жизнь...»

Когда я ехал из Териоки к дому Андреева по пыльной дороге, маленького роста строгий и молчаливый финн-швед внезапно нарушил молчание на ломаном русском языке: «Андреев есть хороший писатель... Хотя он есть русский, он есть очень хороший человек. Он строит красивый дом в Финляндии и дает работу многим нашим людям». Вскоре мы были у ворот прекрасной виллы Андреева — фантастического сооружения причудливого вида, оригинального по замыслу, что-то вроде архитектурного замысла автора в «Жизни человека» (дом построен в стиле северного модерна архитектором Андреем Олем. — В.А.).

— Сын катается на лодке с женой в Финском заливе, — сказала

мне мать Андреева. — Через полчаса они вернутся.

Ожидая хозяина, я наблюдал за кипучей деятельностью в усадьбе Андреева. В Ясной Поляне, доме графа Толстого, все казалось давно установленным, неизменным, хорошо отрегулированным, невозмутимым красивым. Имя Андреева было полно энергичной жизни. Молодые сильные люди строили Дом Человека. Более тридцати из них работали на крыше и во дворе, а недалеко в лугах молодые женщины и девушки с блестящими глазами и раскрасневшимися лицами косили траву. Повсюду молодость, сила, энергия, а над всем этим — звонкий смех играющих детей. Из окна я мог видеть Черную речку, которая сверкала на солнце в сотнях футов внизу. Непрерывный стук топоров и молотков был настолько громким, что я не заметил, как Леонид Андреев вошел в комнату, где я ожидал его.

Портрет работы американского художника У.Дж. Круглофа

«САМЫЙ СОВРЕМЕННЫЙ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ»

Из воспоминаний американского писателя Германа Бернштейна о Леониде Андрееве

— Извините меня за одежду, — сказал он, когда мы обменялись рукопожатием. — Летом я веду праздную жизнь и не пишу ни строчки. Боюсь, что даже разучился писать свое собственное имя.

Я видел многочисленные фотографии Леонида Андреева, но он не похож ни на одну из них. Он сильно пополнил. Вместо бледного, болезненного вида молодого человека передо мной стоял сильный, красивый, хорошо сложенный мужчина с прекрасными глазами. Андреев был одет в сероватую блузу, черные широкие брюки до колен и — босиком.

Вскоре мы уже говорили о современной русской литературе, в частности о драме.

— В России нет настоящей драмы, — сказал Андреев. — Россия еще не создала чего-то, что можно справедливо назвать великой драмой. Возможно, «Гроза» Островского является единственной русской пьесой, которую можно назвать драмой. Пьесы Толстого нельзя отнести к этой категории. Из более поздних писателей в России Антон Чехов ближе всех подошел к настоящей драме, но, к сожалению, он ушел от нас во цвете лет.

— Что вы думаете о своих пьесах «Жизнь Человека» и «К звездам»? — спросил я.

— Это не драмы, а просто представления во многих актах, — ответил Андреев и, немного помедлив, добавил, — я не написал ни одной драмы, но, весьма возможно, напишу одну.

В это время в комнату вошла жена Андреева, очаровательная молодая женщина, тоже одетая в русскую блузу. Разговор пошел об Америке и о приеме, оказанном Максиму Горькому в Нью-Йорке.

— Когда я был ребенком, — сказал Андреев, — я любил Америку. Вероятно, из-за Купера и Майн Рида, любимых писателей моего детства. Я всегда строил планы бежать в Америку. Даже сейчас

мне очень хочется посетить эту страну, но я боюсь — мне могут оказать такой же плохой прием, как и моему другу Горькому.

Взглянув на жену, он рассмеялся. После недолгой паузы продолжал:

— Самое примечательное в инциденте с Горьким состоит в том, что в то время, как в своих рассказах и статьях об Америке Горький писал только самое плохое, что можно сказать об этой стране, мне он всегда говорил об Америке самое хорошее. Когда-нибудь он, очевидно, напишет о своих впечатлениях об Америке так, как говорил о них мне. Между прочим, читали ли вы последнюю повесть Горького «Исповедь»? Это удивительная вещь. В наши дни русские литераторы разучились так писать.

День выдался очень жарким. Солнце безжалостно палило в большой комнате. Госпожа Андреева предложила отправиться в тенистое местечко у Черной речки.

Когда мы спустились с холма, Андреев спросил о здоровье Толстого и с нетерпением хотел знать его мнение по различным современным вопросам.

— Если бы Толстой был сейчас молод, он был бы с нами, — сказал он.

Мы сели в лодку, г-жа Андреева взяла весла и начала грести. Мы продолжили нашу беседу.

Декадентство в русской литературе, — заметил Андреев, — стало ощущаться около десяти-пятнадцати лет назад. Поначалу на него смотрели как на ребяческую игру, как на диковинку. Теперь к нему относятся более серьезно. И хотя я не принадлежу к этому направлению, я не считаю его бесплодным. Недостаток состоит в том, что в его рядах мало талантливых людей, и эти немногие руководят критикой декадентской школы. Это — писатели и одновременно критики. Они хвалят все, что бы ни написали. Из молодых людей Александр Блок, оче-

видно, самый талантливый. Но в наши дни в России моды на одежду быстро меняются, и трудно сказать, что нам покажет будущее — в нашей литературе и жизни.

— Как я представляю себе это будущее? — продолжал Андреев в ответ на мой вопрос. — Я даже не знаю судьбы и будущее своего собственного ребенка, как я могу предсказывать будущее такой огромной страны, как Россия. Но я верю, что у русского народа великое будущее — в жизни и в литературе, ибо это великий народ, богатый талантами, добрый и свободолюбивый. Правда, до сих пор он еще дикий, очень невежественный, но в целом русские не сильно отличаются от других европейских народов.

Вдруг автор «Красного смеха» пристально посмотрел на меня и спросил:

— Как это получается, что европейская и американская печать перестала интересоваться нашей борьбой за освобождение? Возможно ли, что реакция в России привлекает их больше, чем стремления нашего народа к свободе, просто потому, что реакция в настоящее время оказалась сильнее? В этом случае они, вероятно, почувствуют персидскому шаху (в 1908 г. шах совершил контрреволюционный переворот в стране. — В.А.)? Сегодня Россия — сумасшедший дом. Люди, которых вешают, это не те, которых надо вешать. Повсюду честные находятся на свободе и только преступники — в тюрьме. В России же честные люди — в тюрьме, а преступники — на свободе. Русское правительство — это банда преступников, и Николай II не самый главный из них. Есть и еще важнее. Я не считаю, что одно русское правительство повинно в этих ужасах. Европейские народы и американцы столь же виновны, потому что молча наблюдают, как совершаются самые подлые преступления. Убийцы, по крайней мере, обычно есть мужество, в то время как тот, кто

молча наблюдает за убийством, — маленький, слабый, ничтожный человек. Англия и Франция, страны дружески настроенные к нашему правительству, несомненно, с состраданием наблюдают за бедным шахом. Может быть, я не знаю международного права. Может быть, я говорю не как практик. Утверждают, что один народ не должен вмешиваться во внутренние дела другого народа. Но почему же они тогда вмешиваются в дела нашего освободительного движения? Франция помогала русскому правительству в его войне против народа, предоставляя ему заем. Германия тоже помогала — тайно. В хорошо организованных странах каждый человек должен вести себя благопристойно. Когда человек убивает, грабит, бесчестит женщин, его бросают в тюрьму. Но когда русское правительство убивает беспомощных стариков, женщин и детей, другие правительства смотрят на это равнодушно. И они еще рассуждают о Боге! Если бы это случилось в Средние века, начался бы крестовый поход цивилизованных народов, они бы пошли на Россию, чтобы освободить женщин и детей из когтей власти правительства.

Андреев замолчал. Его жена некоторое время медленно гребла, не произнося ни слова. Вскоре мы пристали к берегу и, не проронив ни слова, вернулись в дом.

Краткий автобиографический рассказ Леонида Андреева, который он поведал мне, столь же характерен, сколь и интересен.

— Я родился, — сказал он, — в 1871 году в Орле, там же учился в гимназии. Учился я скверно, в седьмом классе целый год носил звание последнего ученика и за поведение имел не свыше четырех, а иногда три. Самое приятное проведенное в гимназии время, о котором до сих пор вспоминаю с удовольствием, — это перерыв между уроками, а также те редкие, впрочем, случаи, когда меня выгоняли из класса... Луч солнца — свободный луч, прорывающийся в какую-то щель и играющий поднятой на перемене и еще не осевшей пылью, — все так таинственно интересно и полно сокровенным смыслом.

Когда я еще учился в гимназии, умер мой отец-землемер, и в университете мне пришлось страшно нуждаться. На первом курсе в Санкт-Петербурге я даже голодал, не столько, впрочем, от настоящей нужды, сколько от молодости, неопытности и неумения утилизировать лишние части костюма. Мне и сейчас стыдно подумывать, что я мог два дня ничего не есть в то время, как у меня было две или три пары брюк, два пальто, теплое и летнее, и т.п.

Тут я написал первый свой рассказ о голодном студенте. Я плакал, когда писал его, а в редакции, когда мне возвращали рукопись, смеялись. Так он и не был напечатан. <...> В 1894 году в январе я неудачно стрелялся; последствием неудачного выстрела было церковное покаяние, наложенное на меня наложением, и болезнь сердца, не опасная, но упрямая и надоедливая. За это время я делал одну или две неудачные попытки писать, но с большим удовольствием и успехом отдался живописи, которую я люблю с детства, а именно: рисовал на заказ портреты по 3 и по 5 рублей штука. <...>

В 1897 г. я получил диплом и записался в помощники присяжного поверенного, но с самого начала сбился с правильного пути: мне предложили давать судебные отчеты в газету «Курьер», только что возникшую. Практику юридической мне за недосугом приобрести не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дело, которое я проиграл во всех инстанциях.

В 1898 г. я написал <...> первый свой рассказ, пасхальный, и затем уже целиком отдался литературной деятельности. <...> Сильно помог мне в литературном отношении своими всегда дельными советами и указаниями Максим Горький.

Июнь, 1908 г.

Публикация, перевод, вступление и примечания В.Александрова

29.03.2001
Андреев Леонид